

**НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА:
МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛАРУСИ
(60-е гг. XIX — начало XX в.)**

Модернизация в данной работе рассматривается в широком смысле как процесс перехода к индустриальному обществу, который в свою очередь представляет собой комплексное явление, затрагивающее разные сферы жизни — экономическую, социальную, политико-правовую, культурную. С ней вплотную связаны процессы индустриализации, урбанизации, становления нации, изменений в менталитете населения, формирования иерархической социальной структуры общества.

Опыт развития модернизационных процессов в изучении истории Беларуси достаточно актуален. Эта тема не разрабатывалась как самостоятельная научная проблема и ее решение имеет ключевое значение для цельного осмысления тех изменений, которые происходили в Беларуси в XIX—XX вв. В данном случае избран хронологически период от отмены крепостного права до начала Первой мировой войны. Отдельные вопросы изучения модернизационных процессов в Беларуси (развитие промышленности, городов, трансформация сельского хозяйства под влиянием буржуазных отношений, характеристика основных изменений в социальном составе населения, направлений правительственной социально-сословной политики, формирование рабочего класса, эволюция крестьянства и его миграции, экономическое положение дворянства и некоторые другие) через парадигму формационного подхода нашли отражение в нескольких десятках монографий и научных статей. Наиболее цитируемыми из них являются работы М. О. Бича, М. Ф. Болбаса, П. Д. Верещагина, Л. П. Липинского, В. П. Панютича, К. И. Шабуня, С. М. Самбук¹. Но из поля зрения исследователей выпали ряд составляющих модернизации белорусского общества второй половины XIX — начала XX в.: социальная стратификация населения, его мобильность, особенности функционирования сословных институтов, изменения в менталитете населения, становление элементов гражданского общества, взаимосвязи этнокультурной и политической составляющих модернизационной перспективы и др. Положительно можно отметить появление в последние годы монографий В. Л. Носевича², С. М. Токтя³, в которых авторы на

локальном уровне затронули ряд вопросов модернизации белорусской деревни, в особенности некоторые изменения в менталитете крестьянства. Рассмотрение урбанизационных вопросов стало предметом исследований З. В. Шибeko⁴.

Процесс модернизации технологически был связан с переходом и развитием фабрично-заводской индустрии, внедрением в производство машин. В 20-х гг. XIX в. с появлением первых фабрик и заводов в Беларуси начинается промышленный переворот, но об индустриализации в это время можно говорить с большой долей условности и только как о первых шагах к ней. Количество фабрик и заводов в Беларуси за 60—90-е гг. XIX в. увеличилось в 15 раз и составило к концу столетия 1137⁵. Объем производства на них возрос в 37 раз. Средства производства в этот период составили 32 % от всей промышленной продукции Беларуси⁶. Этот показатель несколько ниже, чем средний по Российской империи (40 %), но следует учитывать традиционную специализацию промышленности Беларуси по переработке местного сельскохозяйственного, лесного и минерального сырья, характерную для нее до середины XX в. Индустриальное развитие Беларуси происходило неравномерно. В период 60—70-х гг. XIX в. никаких существенных изменений не произошло, более ощутимыми они становятся начиная с 1880-х гг., особенно глубокие преобразования происходят к концу XIX в. и в начале XX в. На территории Беларуси наблюдались заметные территориальные отличия, которые наложили отпечаток на весь комплекс модернизационных процессов. При этом выделялась западная часть Беларуси.

Одним из магистральных процессов модернизации является урбанизация. Город выполняет цивилизаторскую миссию в отношении окружающей сельской среды. Увеличение удельного веса городского населения в Беларуси происходило относительно незначительными темпами: с 10,4 % в 1863 г. до 11,0 в 1913 г.⁷ Здесь не было крупных городов. Рост их сдерживался особенностями территориального размещения и специализации местной промышленности, а также характером правительственной политики. Искусственно тормозилось придание официального статуса города крупным промышленным местечкам. Ни одно из них в рассматриваемый период не стало городом, независимо от своей значимости в качестве экономического центра. Интенсивное железнодорожное строительство изменило традиционную структуру городских поселений в Беларуси. Ряд прежних крупных центров (Слуцк, Несвиж, Новогрудок и др.), оказавшись в

стороне от транспортных магистралей, утрачивает свою ведущую роль.

На ход модернизационных процессов в Беларуси повлияла заметная разьединенность в протекании социальных процессов в городе и деревне.

Основная причина этого явления — включенность белорусских⁸ губерний в черту еврейской оседлости, введение запретительных мер российского правительства по свободному проживанию евреев за пределами городов и местечек на территории западных губерний. Это привело к различиям в национальном составе городского и сельского населения Беларуси. Около 50—60 % жителей городов и местечек составляли евреи. Они преобладали в рядах городской торгово-промышленной буржуазии. Среди представителей купеческого сословия, которое долгое время в Российской империи воспринималось как синоним крупной буржуазии, согласно данным переписи населения 1897 г., численно преобладали евреи. По губерниям их удельный вес распределялся следующим образом: Виленская — 77,7 %; Витебская — 84,85; Гродненская — 81,4; Минская — 86,02; Могилевская — 86,02 %⁹. Евреи составляли большинство также и среди городского промышленного пролетариата. По подсчетам М. О. Бича на основании данных переписи населения 1897 г., среди рабочих пяти белорусских губерний, занятых в промышленности, торговле, на транспорте, в службе связи, в качестве домашней прислуги и городских поденщиков, 17,1 % было белорусов, 10,1 — русских, 10,2 — поляков, 60 — евреев¹⁰. В начале XX в. в промышленности Беларуси было занято 237 тыс. рабочих, что равнялось примерно 3 % от общего числа населения. На железных дорогах количество занятых рабочих достигало 25 тыс. человек. Вместе с другими сферами экономики общая численность постоянных наемных работников составляла в то время около 460 тыс. человек. Пролетариат Беларуси формировался преимущественно из местных жителей. Среди рабочих и прислуги, учтенных переписью населения 1897 г., 86,8 % составляли уроженцы той губернии, где они трудились в момент демографического обследования. Около 5 % пролетариев были выходцами из других белорусских губерний. В числе «пришлых» (неместных уроженцев) преобладали рабочие и прислуга, происходившие из соседних районов Российской империи.

Около 90 % белорусов проживало в сельской местности. Здесь же было сосредоточено большинство фабрично-заводских предприятий, что было связано с характером специализации белорусской промышленности и дешевизной рабочей силы. Кроме того, до конца XIX в. решающую роль в промышленном предпринимательстве на территории белорусских губерний играло дворянство. По данным на 1890 г., среди учтенных в «Указателе фабрик и заводов Европейской России» 343 владельцев фабрик и заводов Беларуси было 169 (49,3 %) дворян¹¹.

Крестьяне под давлением нарастающего малоземелья вынуждены были уходить на промыслы, искать дополнительный заработок за пределами сво-

его хозяйства, деревни. Почти половина крестьян значительную часть доходов получала не через сельскохозяйственные занятия. Выходцы из деревни имели немного шансов на успех в поисках работы в белорусских городах из-за слабости и небольшой потребности в рабочих руках городской промышленности, а также конкуренции со стороны еврейской бедноты. Они чаще находили себе применение на строительстве железных дорог, предприятиях Москвы, Петербурга, Одессы и др. Значительным было переселенческое движение на слабозаселенные земли Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа. С 1896 по 1900 г. из белорусских губерний выехало 100,6 тыс. сельских жителей (для сравнения: с 1886 по 1895 г. — 4,1 тыс. чел.)¹². Правда, немало было «обратников». За последние пять лет XIX в. возвратилось на родину 14,1 % переселенцев, не справившись с трудностями адаптации или даже не добравшись до нового места жительства¹³. Достаточно характерен следующий пример. По данным на 1897 г., в Борисовском уезде Минской губернии 11 075 крестьян (6,2 % от их общего числа в уезде) подали просьбу разрешить им переселиться на малозаселенные земли Сибири. Из их числа 3151 сельскому жителю (28,45 % от общего числа просителей) было отказано в выдаче разрешения; 410 (3,7 %) крестьянам было выдано проходное свидетельство на новое место жительства, 3517 (31,8 %) — получили разрешение отправить ходоков и 3425 (30,92 %) — получили свидетельства на право направления своих представителей для изучения условий на предполагавшемся новом месте жительства, 572 (5,2 %) — не явились за разрешением на переселение¹⁴.

Стремление крестьян к миграции носило волнообразный характер, активизировалось под влиянием слухов или агитации со стороны революционеров, охватывая часто несколько волостей или уездов. Запретительные мероприятия местных властей или неутешительные рассказы ходоков приводили к спаду миграционной активности крестьян в восточном направлении.

На рубеже XIX—XX вв. крестьяне из Виленской, Гродненской и Минской губерний составили заметную часть трудовой эмиграции в страны Америки. Точных сведений о размерах эмиграции нет, поскольку она чаще всего проводилась нелегально, при помощи агентов пароходных товариществ. Американские

иммиграционные службы учитывали только конфессиональную принадлежность или страну выхода эмигрантов. По ориентировочным оценкам, в Америку до начала Первой мировой войны выехало около 500 тысяч белорусов¹⁵. В отличие от переселения в восточные районы Российской империи зарубежная крестьянская миграция была мотивирована необходимостью заработка достаточных средств для приобретения земли и рас-

ширения хозяйства на родине, что во многих случаях было реализовано. По оценкам современников, около 50 % эмигрантов возвращались назад в родные деревни.

Модернизация представляет собой системный и имманентный процесс. Изменения в одном секторе модернизационной перспективы вызывают соответствующие перемены в других направлениях. Модернизационные процессы в Беларуси происходили неравномерно, с неодинаковой степенью проникновения в разные сферы жизни. Политические реалии Российской империи, запоздалость законодательного оформления событий в развитии общества привели к тому, что социально-культурные изменения происходили позже и в некотором временном отдалении от экономической и технологической составляющих модернизационных процессов. Неравномерность проявилась в региональных особенностях: западная часть Беларуси по многим показателям выделялась как втянутая в процессы становления индустриального общества. Выходцы из этого региона первыми направились в поисках работы за пределы Российской империи, в страны Европы и Америки, проявили миграционную активность. Для Беларуси было характерно, что процессы территориальной мобильности опережали социальную, но наиболее консервативной в период капиталистической трансформации оставалась социально-психологическая сфера.

Великие реформы 60—70-х гг. XIX в. стали вехой в развитии модернизационных процессов. Беларусь считалась наиболее подготовленной к реформам частью Российской империи, в том числе на уровне выявления ценностной мотивации экономической и интеллектуальной элиты. Белорусские и литовские губернии использовались в качестве своеобразного полигона для подготовки отмены крепостного права. С другой стороны, влияние буржуазных реформ здесь было более ограничено, некоторые из них проведены позже из-за особенностей реализации правительственной политики. Параллельно проведению реформ на территории Беларуси был введен режим ограничительных законов в отношении католиков, евреев, иностранных граждан. Направленность реформ была в значительной степени скорректирована на унификацию белорусских губерний с великорусским центром, но итог оказался несколько неожиданным.

Системная модернизация сопровождалась пробуждением этнокультурных процессов. Реформы сделали актуальным вопрос о природе национального. В период после них увеличились масштабы русификации, в том числе добровольной. Железнодорожное строительство, развитие промышленности и внутреннего рынка, усиление социальной и территориальной мобильности населения создавали основу для этнокультурной унификации и руси-

фикации, которые воспринимались правительственными кругами Российской империи как необходимый элемент модернизации. В этот период произошло формирование и распространение в Беларуси «западнорусизма» как идеологии и формы этнического самосознания части городского населения.

Эмансипация крестьянства, индустриализация и урбанизация содействовали формированию в городе и деревне среднего слоя, который выступал социальной базой пробуждения и расширения национальных движений. Под влиянием споров об историческом пути и месте Беларуси, активизировавшихся между сторонниками «западнорусизма» и идеологами польского движения, формировалась белорусская национальная идея. Белорусский этнос прошел сложный путь становления нации современного типа, формирования собственной государственности. Белорусов в XIX — начале XX в. можно было в полной мере отнести к числу молодых наций, которые имели неполноценную социальную структуру, в которой обычно отсутствовали или были ослаблены собственные элиты, а нередко средние городские слои.

Модернизация сопутствовала становлению современной белорусской нации, распространению этнического самосознания. На протяжении всего рассматриваемого периода сосуществовали два альтернативных пути самовыявления национально-культурного движения, белорусского этноса и интеллигенции: первый опирался на литвинско-шляхетские традиции, «краевый» литвинский патриотизм, восходящий от государственно-политических идеалов Великого княжества Литовского и сохранявший преемственность с историко-культурным наследием некогда могущественного средне-векового государственного образования. Но к концу XIX в. лидирующим в силу различных причин, в том числе процессов модернизации и унификации белорусских губерний, оказался второй путь, основанный на возрождении и популяризации белорусской традиционной культуры, создании современной нации посредством этнокультурной эмансипации крестьянства. Он был поддержан революционно-демократическим

и социалистическим крылом белорусского национального движения. Главный итог их культурно-просветительской деятельности — формирование современного представления о белорусской нации, соответствующей ему национальной интеллигенции.

Важное значение для судьбы модернизации имела социально-культурная трансформация: секуляризация образования, распространение грамотности, появление автономной личности, формирование гражданского общества и др. Элементами правительственной политики в сфере образования на территории Беларуси стало искусственное сдерживание развития высшей и средней школы. Ни одна из местных инициатив по открытию выс-

ших учебных заведений не была поддержана. Правительственный опыт свидетельствовал, что любое из них сразу же становилось центром национально-освободительного движения. В распространении начальной школы акцент был сделан на создании церковно-приходских школ. Согласно подсчетам Н. Н. Улащика в 1897 г. в Беларуси удельный вес грамотных людей среди взрослых и детей с 10 лет составил 25,9 %, в том числе среди мужчин — 36,4, женщин — 15,2¹⁶. Грамотных в городах насчитывалось 46%. Этот показатель значительно отличался в зависимости от этнической и конфессиональной группы. По данным переписи населения 1897 г., самым невысоким он был у белорусов. К примеру, в Минской губернии удельный вес грамотных белорусов среди молодых людей в возрасте с 10 до 19 лет составил 18,6 %, среди русских — 38,2, поляков — 50,4, евреев — 53 %. Среди православных Минской губернии уровень грамотности составил — 18,9 % у мужчин и 3,7 % у женщин; у католиков — 33,5 % мужчин и 23,4 % женщин; протестантов — соответственно 57,8 и 52,2 %; иудеев — 50,7 и 29,7 %; магометан — 38,3 и 25,8 %; старообрядцев — 13,9 и 1,5 %¹⁷.

Образование в условиях Российской империи XIX — начала XX в. и овладение элементарной грамотой были надежной основой для представителей различных социальных слоев населения повысить свой социальный статус. Уровень грамотности всегда был одним из наиболее весомых показателей степени модернизации страны, становления буржуазного общества, формирования гражданского и этнического самосознания различных социальных групп населения. Получение образования носило также определенный прагматический смысл как возможное средство достижения лучшей судьбы, социального успеха.

Среди сословных групп населения Беларуси наибольшим удельным весом лиц, получивших образование, отличалось христианское духовенство. Уровень грамотности священников-мужчин по всем белорусским губерниям приближался к 100 %, несколько ниже он был среди женской части духовного сословия — от 85 до 95 %, но этот показатель был в среднем выше за остальные группы населения. Дворяне и чиновники по степени овладения грамотой занимали следующую позицию после духовенства. Наиболее высоким уровнем грамотности отличались представители высшего сословия Гродненской (91,5 %) и Витебской (79,2 %) губерний¹⁸. Неожиданно низкое значение аналогичного показателя было зафиксировано среди дворян и чиновников Виленской (66,4 %) и Минской (63,9 %) губерний. Достаточно однородными, без значительной вариабельности, цифрами был зафиксирован уровень грамотности почетных граждан, купцов и мещан. Средние значения их находились в пределах от 57,2 % (Гродненская губерния) до

47,8 % (Минская губерния). Ощутимо большим разбросом данных отличались сведения о состоянии грамотности женской части городских сословий: их количественные показатели имели диапазон вариативности от 45,3 % в уездах Гродненской губернии до 28,4 % — в Минской.

Город, городская культура выполняли ведущую роль в развертывании модернизационных процессов. Они должны были подтягивать к соответствующей цивилизации окружающую сельскую среду. Представители крестьянского сословия, которые проживали в городах, имели почти в два раза больший, чем в среднем по Беларуси, уровень грамотности. Наиболее высокий показатель был зафиксирован среди крестьян, которые проживали в городах Гродненской губернии (57,5 %). Значительной вариативностью отличались сведения о степени овладения письменностью крестьянками, особенно в сравнении между теми, кто жил в деревне и в городе. Здесь соотношение числа грамотных и неграмотных отличалось во много раз. Например, в Минской губернии удельный вес грамотных крестьянок, проживавших в городах, составлял 29,2 %, а в сельской местности — 3,8 %. Дистанция между обозначенными показателями почти восьмикратная. В Могилевской губернии подобное соотношение было близким к девятикратному, в Витебской и Гродненской — почти пятикратным и только в Виленской — двукратным. У мужчин-крестьян такое сравнение было близким к двукратному с небольшим разбросом данных по губерниям.

Носителем социально-культурных изменений в ходе развертывания процессов модернизации выступила интеллигенция Беларуси, история которой не получила до сегодняшнего дня своего предметного осмысления. Начало формирования интеллигенции Беларуси как отдельной социальной группы относится к рубежу

XVIII—XIX вв., когда под влиянием идей Просвещения происходит постепенный переход к становлению культуры нового типа — культуры формирующегося буржуазного общества. Это был противоречивый процесс. С одной стороны, первых интеллигентов в полном смысле этого слова мы встречаем уже в XVI в., в период широкого развития меценатства, расцвета городов и культурной жизни, но это были единицы и не составляли отдельную социальную группу с присущими ей чертами. С другой — становление интеллигенции Беларуси происходило под влиянием одной из доминантных специфических черт формирования культуры в этот период. В отличие от многих европейских государств, где создание единого социокультурного пространства происходило путем завоевания третьим сословием своего собственного места в культуре верхних слоев общества, в управлении государством, в Беларуси этот процесс реализовывался часто через сознательную уступку шляхтой части своих прав в пользу буржуазии и вклю-

чение элементов традиционной субкультуры в культуру элиты¹⁹. Вхождение Беларуси в состав Российской империи замедлило этот процесс. Наличие здесь жестких сословных перегородок закрывало доступ непривилегированным группам населения к образованию и иным достижениям профессиональной культуры. В Беларуси, в отличие от великорусских губерний, в первые десятилетия XIX в. формирование интеллигенции шло не путем рекрутирования представителей третьего сословия в его ряды, а посредством привлечения части шляхты к социально-профессиональной группе лиц преимущественно интеллектуального труда²⁰.

Общественно-политические события XIX — начала XX в., изменения в правительственной политике, попытки трансформировать социальную структуру белорусского общества к общероссийскому стандарту определили этапы и особенности формирования местной интеллигенции. Одна из основных специфических черт, которая поставила под сомнение непрерывность развития интеллигенции Беларуси — утрата физической и нередко духовной преемственности между разными поколениями этой группы. Причинами этого явления стали восстания, активизация национально-освободительного движения и репрессии в отношении их участников. Последними очень часто становились представители творческой элиты, студенческая и ученическая молодежь. Кто избегал ареста, вынуждены были эмигрировать в страны Западной Европы. Кроме того, неблагоприятные условия развития национальной культуры обусловили появление еще одной особенности развития интеллигенции Беларуси. Она стала донором развития культур соседних народов, что привело фактически к потере значительной части собственной элиты, обеднения местной интеллектуальной жизни. Донорская функция интеллигенции Беларуси — это во многом нереализованная возможность растущей социальной мобильности на родине, шанс повысить свой социальный статус на чужбине. Интеллигенция Беларуси характеризовалась многонациональностью своего состава, причем титульная национальная интеллигенция составляла одну из групп и меньшинство среди местной интеллигенции.

Беларусь вошла в состав Российской империи после разделов бывшей Речи Посполитой. Она имела собственную сформировавшуюся социальную структуру общества и многоязычную в силу сложившихся условий культуру. Первая треть XIX в. отличалась преобладанием польских общественно-культурных влияний в Беларуси. Политика императоров Павла I и Александра I по восстановлению местных традиций, иногда весьма поспешная, отсутствие целенаправленной политики на присоединенных от Речи Посполитой белорусских землях привели к более интенсивной полониза-

ции сферы образования, общественной жизни и даже судебно-административного аппарата, чем это было в XVIII в. Распространению польского влияния в значительной степени способствовала деятельность администрации Виленского учебного округа во главе с другом юношеских лет императора Александра I министром иностранных дел России Адамом Чарторыйским²¹. Попытка императора Николая I в первые годы своего правления изменить ситуацию ощутимых результатов не дала. Интеллектуальная жизнь Беларуси, кроме обозначенной тенденции, характеризовалась непосредственной преемственностью, духовной связью, предыдущим периодом культурного развития конца XVIII в. — эпохой Просвещения, идеями физиократов и т. д.

Творчество и взгляды представителей интеллигенции в первой половине XIX в. не всегда имели отчетливое национальное содержание. Прежде всего, это замечание относится к тем кружкам, деятельность которых заложила основу белорусского национально-культурного движения — Адама Киркора в Вильно, Винцента Дунина-Марцинкевича в Минске, Артема Вериги-Даревского в Витебске. Белорусская интеллигенция, которая группировалась вокруг них, по общественно-политическим взглядам придерживалась преимущественно либеральных позиций.

Среди демократической интеллигенции начала 60-х гг. XIX в. сформировалась относительно небольшая группа, для которой абсолютно понятным было, что Беларусь имеет все условия для самостоятельного развития. Лидером этой группы был один из руководителей восстания 1863 г. на территории Беларуси и

Литвы Константин Калиновский, который косвенно высказал идею о самостоятельности Белорусско-Литовской республики. Эта цель была достаточно популярной среди национальной интеллигенции вплоть до 1918 г., когда парламент Литвы провозгласил создание собственного государства. Первые попытки национальной агитации были весьма призрачными и кратковременными. Поколению Калиновского и его соратников не удалось реализовать свои идеалы, и более того, оно не имело своих непосредственных последователей.

Время от восстания 1863 г. до революционных событий 1905—1907 гг. стало новым этапом формирования интеллигенции Беларуси. Разгром восстания, кардинальные изменения в правительственной политике, буржуазные реформы 60—70-х гг. затронули общественно-политическую и экономическую жизнь, интеллектуально-духовную сферу и повседневность. Дальнейшее развитие белорусской интеллигенции было связано с противоречивым, иногда взаимоисключающим воздействием двух факторов: модернизации и унификации. Модернизация сопутствовала становлению современ-

ной белорусской нации, распространению этнического самосознания, унификация — это и российская репрессивная политика, и впервые сформированная система мероприятий по русификации западных окраин империи, оформленная после подавления восстания 1863 г., которая значительно затруднила национальную культурно-просветительскую деятельность, создание политических сил и организаций.

После подавления национально-освободительного восстания 1830—1831 г. и закрытия Виленского университета проявила себя тенденция постепенного перемещения центров формирования интеллигенции за границы Беларуси. Ими стали прежде всего высшие учебные заведения и общественно-культурные объединения Санкт-Петербурга и Москвы, а также стран Западной Европы. Более отчетливую роль это обстоятельство стало играть после восстания 1863 г., и только активизация национально-культурной жизни в начале XX в., издание газеты «Наша ніва» изменили эту ситуацию.

Интеллектуальная жизнь в Беларуси после 1863 г. (в отличие от периода после восстания 1830—1831 гг.) попадает под преобладающее влияние русской культуры. Кроме правительственных мероприятий, этому содействовали изменения в польском национально-культурном движении, в среде которого распространились позитивистские идеалы работы над экономическим ростом и цивилизованным развитием Польши, гарантией которого должна была стать легальная работа. Борьба за национальное возрождение откладывалась на отдаленную перспективу.

Статистические источники не позволяют детально показать численность, социально-профессиональный и этнический состав интеллигенции Беларуси, проследить его динамику. Материалы переписи населения 1897 г. дают сведения только о представителях «свободных профессий». Последних по белорусским уездам было зафиксировано 21 434 человека, из них 15 029 занимались учебной и воспитательной деятельностью, 4715 — врачебной и санаторной, 609 — показали в качестве основного занятия работу в сфере науки, литературы и искусства, остальные — частную юридическую практику. Не все из показанных представителей свободных профессий можно с полным правом отнести к интеллигенции. Многие, в особенности занятые врачебной и санитарной деятельностью, выполняли функции вспомогательного, обслуживающего персонала. Кроме того, по материалам переписи невозможно определить численность других профессиональных групп интеллигенции, не вошедших в разряд «свободных».

В Беларуси 60-х гг. XIX — начала XX в. возникают и получают распространение легальные добровольные общества: сельскохозяйственные, сберегательные кассы, кооперативы, культурно-просветительские, спортивные,

пожарные организации и др. Они оказали позитивное влияние на развитие некоторых отраслей экономики, рационализацию методов хозяйствования, профессионализацию различных видов деятельности, распространение научных знаний, культуры и содействовали формированию гражданской самостоятельности и самоорганизации людей. Но политика российского правительства в условиях подъема и радикализации общественного сознания была направлена не на интеграцию, а на дискриминацию отдельных групп населения Беларуси (евреев, поляков, католиков и др.).

Распространение и популяризация белорусского по своему сегодняшнему содержанию сознания связано с деятельностью местной народнической, а затем социалистической молодежи. Она не принимала прежнюю «литвинскую», «краевую» идеологию, связанную со шляхтой и прежними традициями политической жизни, а более ориентировалась на социальные низы, на крестьянство. Типичный пример в данном случае деятельность в Петербурге белорусской социально-революционной народнической группы «Гомон» и ее одноименный нелегальный журнал (1884). Обостряется борьба между различными национальными группами интеллигенции за влияние над формированием гражданского сознания широких слоев населения.

Представители белорусской интеллигенции, начиная с Константина Калиновского и Адама Киркора, подвергались преследованиям как со стороны представителей польского общественного движения, так и русского. Первые обвиняли их в предательстве польских национальных интересов, другие видели в их лице замаскированных врагов России, которые служат польским экстремистам.

В начале 90-х гг. XIX в. в Москве и Петербурге действовали организации белорусского студенчества под руководством Адама Гуриновича, Марьяна Абрамовича и др. Были созданы Кружок молодежи польско-литовской, белорусской и малорусской, Круг белорусского народного просвещения и культуры, сделаны попытки выпуска нелегальной газеты «Свобода», создания Революционной партии Белой Руси. В 1902—1903 гг. происходит политическая самоорганизация белорусского национально-освободительного движения. Была создана Белорусская революционная громада, которая несколько позднее стала называться Белорусской социалистической громадой. Эта первая белорусская национальная политическая партия была одной из немногих в пределах Российской империи, которая не ставила задач провозглашения государственной независимости, а ограничивалась первоначально достижением национальной автономии в пределах Российской Федеративной демократической республики. Только после создания определенных условий, в первую очередь, оформления национального самосоз-

нания большинства населения Беларуси, считали возможным создание независимого государства.

Глубокие качественные изменения в формировании интеллигенции и эволюции этнокультурной жизни произошли во время и после революционных событий 1905—1907 гг. Процессы этнического самосознания широко затронули различные слои населения, прошли через отдельные семьи, разделив их на разные национальности, в том числе нередко представителей интеллектуальной элиты. В ее среде также обостряются поиски собственной идентификации, отчетливо очерченными становятся различные этнические группы интеллигенции.

Центром притяжения белорусской интеллигенции стала редакция газеты «Наша ніва», издававшаяся в Вильно в 1906—1915 гг. «Наша ніва» составила отдельную эпоху в национально-культурном движении. Именно в этот период происходит формирование белорусской национальной интеллигенции как социальной группы в современном представлении. До этого работали отдельные представители или небольшие группы образованных людей, культурно-просветительских деятелей, которых можно было отнести к национальной интеллигенции. В ее среде происходит унификация, постепенное стирание различий между православной и католической группами интеллигенции, которое было ощутимым на протяжении XIX в. и поддерживалось правительственной политикой²². «Нашей ніве» удалось объединить «пропольское» и «пророссийское» течения белорусского движения. Это произошло на основе социалистической идеологии. Издатели газеты отчетливо дистанцировались от местной дворянской, шляхетской интеллектуальной элиты, рассчитывали на формирование новой интеллигенции из числа выходцев из крестьян, что несколько видоизменило и усложнило процессы этнической консолидации среди белорусов.

«Наша ніва» выступила в качестве организационного и духовного центра многочисленных белорусских национальных культурно-просветительских обществ. С распространением легальных периодических изданий («Беларус», «Лучынка» и др.), профессиональных и музыкально-драматических кружков, издательских товариществ и т. д., появившихся после 1906 г., возникли новые формы и направления интеллектуальной жизни. В 1908—1910 гг. были попытки создания частных белорусских школ. На съезде в Вильно 25 мая 1907 г. был основан Белорусский учительский союз, который ставил цель реорганизации системы образования на демократической основе для подъема гражданского самосознания и культуры народа. Возникают также Белорусский литературно-научный кружок студентов Петербургского университета, Кружок белорусов в Копыле и многое другое. Все эти органи-

зации, культурно-просветительские мероприятия были связаны между собой духовно и являлись свидетельством роста творческих и институциональных контактов представителей белорусской национальной интеллигенции.

В развертывании модернизационных процессов в Беларуси в рассматриваемый период было ряд особенностей. Во-первых, в отличие от стран Западной Европы, где авангардом модернизации были города и здесь концентрировалась промышленность, в Беларуси значительная часть предприятий располагалась в сельской местности. Во-вторых, двигателем модернизации здесь во многом было дворянство, которому принадлежало значительное количество промышленных предприятий, право социально-экономической инициативы. Торгово-промышленная буржуазия недворянского происхождения была преимущественно иноэтнического и иноконфессионального происхождения по сравнению с большинством населения.

Своеобразное воздействие на развертывание модернизационных процессов в Беларуси, в особенности на ранних этапах, оказало отсутствие собственной государственности и связанной с этим протекционистской политики. Мероприятия российского правительства в отношении белорусской экономики не всегда учитывали ее специфику и приоритеты развития.

Одним из процессов, который сопутствовал модернизации, было развитие нации и появление национализма. В Беларуси национальная идеология и движение титульного этноса по сравнению со многими другими народами Российской империи оказались ослабленными.

¹ Бич, М. О. Рабочее движение в Белоруссии 1861—1904 гг. / М. О. Бич. Минск, 1983; Бич, М. В. Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст. // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1972. № 4; Болбас, М. Ф. Промышленно сть Белоруссии. 1860—1900 гг. / М. Ф. Болбас. Минск, 1978; Верещагин, П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.) / П. Д. Верещагин. Минск, 1978; Липинский, Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (II половина XIX в.) / Л. П. Липинский. Минск, 1971; Панютин, В. П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии. 1861—1914 гг. / В. П. Панютин. Минск, 1969; Панютин, В. П. Наемный труд в сельском хозяйстве Беларуси 1861—1914 гг. / В. П. Панютин. Минск, 1996; Панютин, В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни 1861—1900 гг. / В. П. Панютин. Минск, 1990; Самбук, С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / С. М. Самбук. Минск, 1980; Шабуня, К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. / К. И. Шабуня. Минск, 1962.

² Носевич, В. Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В. Л. Носевич. Минск, 2004.

³ Токць, С. М. Беларуская вёска на мяжы эпох: Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 — першай трэці 20 ст.) / С. М. Токць. Гродна, 2003.

⁴ Шыбека, З. В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX — пачатак XX стагоддзяў) / З. В. Шыбека. Мінск, 1997.

⁵ Болбас, М. Ф. Промышленность Белоруссии. 1860—1900 гг. / М. Ф. Болбас. Минск, 1978. С. 133, 186—187.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Шыбека, З. В. Указ. соч. С. 59.

⁸ Под белорусскими губерниями и исследователями Беларуси принято рассматривать Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, основная часть территории которых входит в пределы современной Республики Беларусь.

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1903.

Вып. IV. Виленская губерния. Тетр. 3. Табл. XXIV; СПб., 1903. Вып. V. Витебская губерния. Тетр. 3. Табл. XXIV; СПб., 1903. Вып. XI. Гродненская губерния. Табл. XXIV; СПб., 1904. Вып. XXII. Минская губерния. Табл. XXIV; СПб., 1903. Вып. XXIII. Могилевская губерния. Табл. XXIV.

¹⁰ Бич, М. О. Рабочее движение в Белоруссии 1861—1904 гг. / М. О. Бич. Минск, 1983. С. 29.

¹¹ Указатель фабрик и заводов Европейской России / сост. П. А. Орлов, С. Г. Будагов, 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1894.

¹² Верещагин, П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.) / П. Д. Верещагин. Минск, 1978. С. 95.

¹³ Там же.

¹⁴ Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 2729. Л. 69—171.

¹⁵ Ціхаміраў, А. В. Пытанні масавай эміграцыі з Беларусі ў ЗША (80-я гады XIX ст. — 1914 г.) / А. В. Ціхаміраў // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): Усебеларус. канф. гісторыкаў. Мінск, 3—5 лют. 1993 г.: у 2 ч. Ч. 1. Мінск, 1994. С. 121.

¹⁶ Улащик, Н. Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии / Н. Н. Улащик // История СССР. 1968. № 1. С. 109.

¹⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. XXII. Минская губерния. Табл. XIV, XV. Для определения этнической принадлежности населения использованы данные переписи о родном языке. Несмотря на определенную относительность этих данных, это единственный наиболее достоверный источник для изучения процессов, связанных с национальным составом населения Беларуси на рубеже XIX—XX в.

¹⁸ Каханоўскі, А. Г. Узровень пісьменнасці жыхароў Беларусі на мяжы XIX—XX ст. / А. Г. Каханоўскі // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. 2006. № 1. С. 8.

¹⁹ Куль-Сяльверстава, С. Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. — 1820-я гады) / С. Я. Куль-Сяльверстава. Мінск, 2000. С. 259.

²⁰ Куль-Сяльверстава, С. Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. — 1820-я гады) / С. Я. Куль-Сяльверстава. Мінск, 2000. С. 259.

²¹ Довнар-Запольский, М. В. История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. Минск, 2003. С. 293—297.

²² Подгайская, Л. Роля паўстанняў 1794, 1830—1831 і 1863—1864 гг. у фарміраванні ўяўленняў пра беларуска-ліцьвінскую шляхту / Л. Подгайская // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 7. С. 3—10.